

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№35(325)
СЕНТЯБРЬ 2026

А ТЕПЕРЬ НА
ПОИГРАТЬ...

ЧУДЕСНИК

ОН —
КОРОЛЬ!

Геннадий Норд

Это было очень давно. Мы шли по центру Риги с популярным певцом Ояром Гринбергом, и вдруг кто-то крикнул:

— Ояр!

Обернулись. Нас догонял Евгений Павлович Леонов.

Так и познакомились. Чем закончился тот вечер, рассказывать не буду, но потом мы много раз встречались и в театре, и просто посидеть, кофе попить и поболтать.

О Леонове писать легко — про него все все знают, про него написано очень много.

Но о Леонове писать сложно. Именно потому, что про него все всё знают, и рассказать что-то новое, практически, невозможно.

Все, кто лично был знаком с Евгением Леоновым, говорили о нем исключительно как о скромном и добрейшем человеке, готовом на всё ради ближнего.

Он был прекрасным и по-настоящему народным артистом, которого любили миллионы зрителей. За 67 лет своей жизни Леонов сыграл десятки ролей в театре и более 100 работ в кино (он также озвучил многих героев мультфиль-

В молодости

мов).

Евгений Леонов родился в простой семье московского инженера, но со школьных лет увлекался театром.

В 1941 году стал работать на заводе токарем, а потом поступил в авиационный техникум. Во время учебы он не забывал о своем увлечении, участвовал в любительских спектаклях и студенческих концертах.

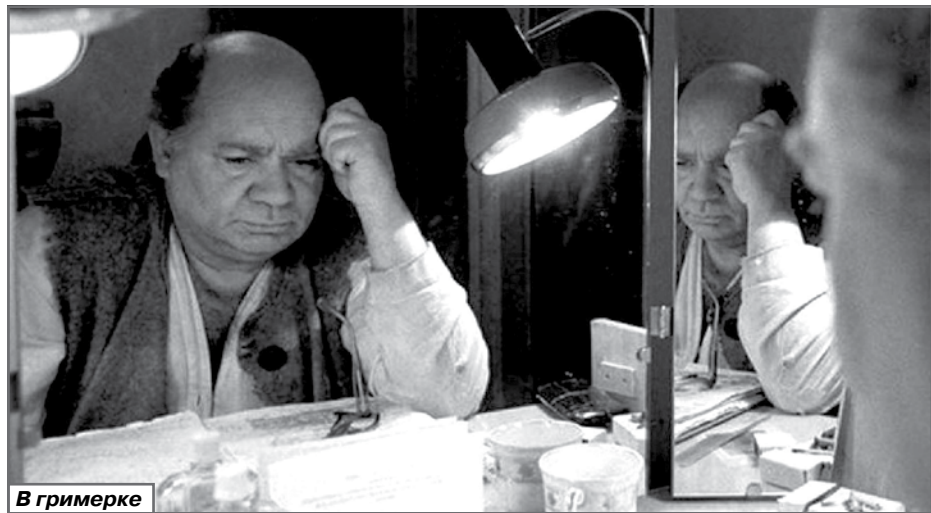
Через три года решил изменить свою жизнь: бросил техникум и поступил на драматическое отделение Московской экспериментальной театральной студии. Его примечательная внешность, особенная речь и скромный характер сыграли ему на руку при отборе.

Вскоре после окончания учебы он устроился в театр имени Станиславского, но несколько лет Леонов оказывался на сцене только в маленьких второстепенных ролях, которые актеры называли между собой «кушать подано».

Евгений очень нуждался в деньгах и потому принял решение попробовать себя в кино. Но здесь его тоже ждало разочарование: ему предлагали только роли в эпизодах.

Все изменилось в 1954 году. Главный режиссер театра предложил Леонову сыграть Лариосика в постановке бул-

ОН — КОРОЛЬ!

В гримерке

гаковских «Дней Турбиных». Его игру встретили очень тепло, и интересные роли посыпались одна за другой.

В 1968 году, уже ставший известным Леонов, перешел в Театр имени Маяковского, однако, пробыл там всего четыре года. Актер вышел из этого коллектива из-за конфликта с режиссером Андреем Гончаровым. Незадолго до этого Леонов исполнил роль продавца нототении в небольшом рекламном ролике, что вызвало у главного режиссера театра приступ ярости, и он публично перед всей труппой предложил всем дать денег Леонову, чтобы тот не умер с голоду. После такого оскорбления актер тут же подал заявление об увольнении и ушел в «Ленком» к Марку Захарову.

Первую свою роль в кино актер сыграл еще в 22-летнем возрасте, но настоящая известность пришла к нему только после выхода кинокомедии «Полосатый рейс» в 1961 году. В этом фильме он исполнил роль работника буфета Шулейкина, который вынужденно прикидывается укротителем тигров. Эта роль сделала актера народным любимцем и самым популярным комиком советского кино.

Евгений Павлович потом говорил: «Я первый из актеров показал свой мощный зад советскому зрителю!»

Он имел в виду сцену, где его герой, одетый лишь в мыльную пену, убегает от тигра. Кстати, всё это произошло не по сценарию: Леонова должны были защитить от хищника толстым стеклом, но именно в этой сцене оператору сильно мешали блики от стекла, и было решено его убрать. Об этом актера предупредить не стали, и когда он сильно зажмурился, намыливая голову шампунем, стекло убрали. Протерев глаза от пены, актер увидел перед собой тигра, что не могло его не шокировать, и он молнией выскочил из ванной комнаты — испуг был настоящим.

Картину в год премьеры посмотрели 32 миллиона человек, и роль Шулейкина сразу превратила Леонова в кинозвезду первой величины. Теперь каждый режиссер, которому в фильме был нужен добрый и неуклюжий герой, охотно обращался к Леонову.

В 1964 году режиссер Владимир Фетин пригласил его на главную роль в фильме «Донская повесть», историю о горькой жизни и любви донского казака Якова Шибалка. Леонов сначала испугался этой роли:

— Как я с таким лицом буду это играть?

Но Фетин убедил Леонова, и тот отлично справился, раскрыв полностью свой драматический талант.

После этого и другие режиссеры заметили уникальный трагикомический дар артиста, и хотя комедийных ролей у него гораздо больше, Леонов смог показать себя и в другом амплуа.

Так, актер был очень рад, когда ему предложили сыграть Сарафанова в телефильме «Старший сын», и считал эту роль одной из самых любимых.

В копилке ролей актера есть и отрицательные персонажи, но он играл их так талантливо, что даже они вызывали у зрителей симпатию.

Примечательно, что Леонов практически не нуждался на съемках в гриме. Его довольно нетипичная внешность была сама по себе сильнейшим драматическим инструментом.

Евгений Леонов был настолько любим народом и влиятелен, что мог помочь кому угодно с жильем, хотя сам долго жил в коммуналке с родителями. Он не отказывал никому в просьбах и доставал все необходимое — от лекарств до одежды.

Рудольф Фурманов вспоминал, как они вместе ходили на склад Гостиного Двора в Ленинграде за вещами для их знакомых:

— Евгений Павлович устал и раздраженно ворчал: «Ну, да, давайте, командуйте мне тут все! Как собаке! Леонов, налево! Леонов, направо!»

Ну, а что поделать, если это именно ему ни один директор магазина не может отказать?

Бывало, что из-за своей популярности Евгений Леонов сталкивался с неприятными ситуациями. Например, однажды его жена Ванда ехала в такси, а водитель, не зная, кого везет, стал сочинять байку:

— Женька Леонов здесь живет. Мы всю жизнь вместе. Вот пьянь беспро-

будная, каждый день приходит и просит у меня трешку. Я даю. Я люблю, он хороший артист. Вот в этой парикмахерской мы с ним бреемся вместе.

Ванда Леонова, послушав все эти сплетни, сказала водителю: «Как вам не стыдно! Я с ним в одном театре играю — он не пьет».

Это могло показаться забавным, но Леонов не любил, когда о нем распускали глупые слухи и чувствовал себя обиженным.

Из-за застенчивости Евгений долго не мог найти свою половинку. Однажды на вечеринке 24-летнему актеру приглянулась одна уже разведенная женщина. В какой-то момент они остались наедине, а вскоре Евгений выбежал из комнаты и поспешно ретировался. Со слов этой женщины, он пытался ее поцеловать, но она его оттолкнула, и Евгений заплакал, попросил у нее деньги на такси и ушел.

Только в 31 год Леонов встретил свою будущую жену. Когда театр гастролировал в Свердловске, Леонов гулял по городу с друзьями и увидел студентку музыкального училища Ванду Стойлову. Он тут же в нее влюбился. Собравшись с духом, Леонов пригласил девушку на свой спектакль, а потом до рассвета бродил с ней по городу и читал ей стихи. Им удалось провести вместе всего несколько дней перед отъездом труппы. Ванда уже была замужем за режиссером, но планировала развестись, и Леонов стал ее ждать. Правда, он не был уверен, что она приедет. Но Ванда приехала и поступила в ГИТИС на «Театроведение».

Ванда рассказывала:

— Однажды Женя сказал: «Нам нужно пожениться».

Спустя несколько дней ему нужно было уезжать на гастроли, и, не теряя времени, мы пошли в загс и зарегистрировали брак. Мои родители жили в другом городе и, если честно, не одобряли мой выбор. Потом, конечно, они полюбили Женю. Но сначала они решительно противились нашему союзу.

Поначалу молодожены жили совместно с родителями Леонова в коммуналке. Несмотря на тесноту, жили они дружно, мать Евгения оказалась очень приветливой и радушной хозяйкой, ее двери всегда были открыты для родных и знакомых.

Когда Леонов был занят на съемках в «Полосатом рейсе», у него родился сын Андрей. По воспоминаниям артиста, он был настолько счастлив, что на радостях «пошел целоваться к тиграм».

Леонов беззаветно любил свою жену, мог часами ждать ее у окна, а работала она заведующей литературной частью в «Ленкоме». Без нее он всегда тосковал, а когда она возвращалась, то менялся и словно расцветал. У Леонова никогда не было других женщин, кроме Ванды. Он даже опасался их, потому что обожал жену и боялся из-за какой-то глупости ее потерять.

Когда актер ездил за границу, то оббегал все магазины в поисках самых красивых платьев для супруги. По Москве тогда ходил анекдот:

— Такое платье есть у Софи Лорен и у Ванды Леоновой!

Он любил проводить время с сыном и

В фильме «Дело Румянцева» (1955)

В фильме «Полосатый рейс» (1961)

В фильме «Донская повесть» (1964)

В фильме «Белорусский вокзал» (1970)

В фильме «Джентльмены удачи» (1971)

В телефильме «Старший сын» (1975)

В фильме «Мимино» (1977)

всегда защищал Андрюшу, когда жена кричала на него, утверждая, что все вопросы надо решать только добротой.

В жизни актер был таким же забавным и остроумным, как и его герои на экране. Он умел успокоить жену, которая часто нервничала по пустякам, но его отношение к жизни изменилось с приходом 1990-х. Он стал очень грустным человеком, не находя себе места в новой эпохе, которую называл бездушной и жестокой. Это, несомненно, отразилось на его здоровье, с которым и так были проблемы.

Он чуть не умер летом 1988 года, когда труппа «Ленкома» гастролеровала в Гамбурге. Актер пережил клиническую смерть и перенес вынужденную операцию на сердце, после чего почти месяц провел в коме.

Конечно, доктора рекомендовали ему больше отдыхать, но Леонов совершенно не мог сидеть без дела. К тому же он беспокоился за Ванду, за сына Андрея, который тогда, по его мнению, еще не был достаточно самостоятельным, за маленького внука Женю, которого очень любил. И снова начал работать, выступать на сцене и участвовать в концертах.

29 января 1994 года Евгений Павлович плохо себя чувствовал, но собрался идти в «Ленком» на спектакль «Поминальная молитва», где он играл роль Тевье-молочника: это была одна из его самых ярких ролей.

Но перед выходом из дома он внезапно упал, и приехавшие врачи не смогли его спасти: у актера оторвался тромб.

Люди в зале ждали начала спектакля, не догадываясь о том, что Леонова больше нет. Когда на сцену вышел представитель театра и сообщил, что артист умер, а билеты можно сдать, никто из зрителей так не поступил. Из храма принесли свечи, и люди еще долго стояли с ними у театра, прощаясь с любимым артистом.

Ванда Леонова прожила без мужа еще 27 лет, храня ему верность. Она ушла из жизни в 2021 году, когда ей было 85 лет.

Вот несколько высказываний Евгения Павловича:

— В последнее время что-то дышать стало неважно. Несколько лет назад в Германии были гастроли. Простудился. Вроде бы умер. Инфаркт. Потом второй. 28 дней где-то я блуждал. Потом операция, из ноги пришили сосуды. Ничего, живу. Бесплатно немцы сделали. Ну, таких денег и меня всё равно не было, а государство за меня платить бы не стало.

— У меня билет был — туда и обратно. То ли пропили его, не знаю. Получилось так, что я помер, а меня неожиданно обратно вернули, а билета нет. Немцы снова выручили. И мне сказали, что через четыре года надо снова резать, потому что все развалится. А потом оказалось, что пошутили врачи.

— Меня Господь Бог отпустил обратно, может быть, для какой-то цели. Я после этого стал верить в то, что выше закона может быть любовь, выше права — милость, выше справедливости может быть прощение. Мне кажется, этой формулы достаточно, чтобы не опускаться ниже человеческого уровня.

— Не обязательно давить машинами собак, отказываться от детей в роддоме, не помогать родителям, жить, забыв, к чему нас призывали великие предки: не убий, не укради. Это всё потихоньку стало казаться лицемерным, несерьезным. Потому что, свобода, а, значит, делай, что хочешь. И мы забыли, что свобода, оторванная от интеллигентности, от смысла, от доброго сердца, страшная штука.

— При нынешней свободе мне живется хуже. Просто плохо. Я принадлежу к тем людям, которые всё время что-то делают. И во мне была нужда. Кто-то меня просил идти в Моссовет и похлопотать на счет квартиры. Я это проделывал. Может быть, не всегда с удовольствием, но делал. Чаще этим занимаются в театрах популярные актеры. Знаю, что Юрий Никулин. Мы даже друг друга, бывало, про-

сили, помочь. То есть, была нужность. А теперь под сомнением в 1992 году: нужен ли был фильм «Белорусский вокзал». Старое поколение сегодня должно жить хорошо, мы перед ними по-человечески в долгу, потому что они защитили страну от врага.

— Разговаривал с одним молодым человеком. Он говорит: «Вы великий актер, столько ролей. А валюта у вас есть?». Говорю, что нет, потому что драматические актеры довольно бедные люди. Он говорит: «Жаль, что валюты нет, потому что всё остальное ты можешь засунуть себе в одно место». Говорю ему, что для драматических актеров коммерция — это полная «труба».

— Мне бы хотелось дожить свой век в той правде, в той морали, в которой меня воспитали. Помоги ближнему, уважай старших. Может, сохранится, может, пока не по той улице идем. Поэтому, что слово «Дай!» звучит громче всего.

Телевизор включишь, там говорят о коммерции, что нужно ассоциацию создать. И чего мы делать будем? Трусые продавать? Поэтому, я не знаю, какую ассоциацию нужно организовывать, но надо, чувствую, что надо. Если было бы три уха, одно можно было бы продать. Но уха только два.

— Меня считают комедийным актером, хотя я могу большего добиваться. Пусть лучше мое имя будет упомянуто со смехом, чем совсем не упомянуто. Но меня больше всего интересует человек, его внутренний мир, его горести и радости.

— Актер должен играть и душой, и сердцем, чтобы впрыгивать в обстоятельства, чтобы «я люблю тебя, Маша» — и слезы текут. Чтобы кто он, комик или трагик, — черт его разберет.

— У меня в семье не было никого, связанного с искусством. Никого. В маме что-то было, когда она рассказывала, мама обаятельная была, седая такая женщина, не очень грамотная, но очень какая-то такая добрая по сердцу. Нео-

быкновенная женщина. В нашем доме квартиры не отдельные, а коммунальные, но в наших маленьких комнатах было жующее стадо какое-то. Кто-то где-то спал на полу, всё время люди чай пили. Это родственники, которые к маме тоже тянулись. Она нас с братом не учила жить, не заставляла быть хорошими. Она даже не заставляла нас картошку чистить или полы протирать. Ей это было легче сделать самой. И, видно, подспудно мы это с братом понимали, потому что довольно часто мы это делали сами.

— Война, голодуха, наша семья поголодала, но выдержала. Мы пошли работать на завод. Я стал учеником токаря, брат — учеником чертежника. Почему меня тянуло к искусству, почему я таскался во МХАТ на ступеньки? И помню «Три сестры», когда я с ними, проплакав, на всю жизнь запомнил эти березки, этот необыкновенный голос Ирины... Я не знаю, что меня тянуло. Я был в школе в художественной самодеятельности, читал стихи, все смеялись, но это было, наверное, глупо и наивно. В техникуме про меня говорили: это наш артист. Почему так говорили, непонятно. На вечерах я читал «В купальне» Чехова, Зощенко про монтера. Успех был необыкновенный. Хотел стоял.

— Михаил Яншин — мой учитель. Он и Андрей Александрович Гончаров. Чтобы не было огорчительно — и Марк Захаров. Раз я с ним работаю, в какой-то степени я могу и его называть учителем. Он что-то перевернул в моем сознании, расширил возможности. Но его спектакли, они больше режиссерские: спектакль Захарова, театр Захарова. Мне было сложно, потому что мне не нравились актеры, которые говорят: «Вот я, делайте со мной, что хотите». Мне хотелось участвовать в этом процессе, чтобы актер был автором своей роли наверняка и автором хоть кусочка спектакля.

В телефильме «Обыкновенное чудо» (1978)

В фильме «Убить дракона» (1988)

Окончание. Начало на с.8

— Надо сделать так, чтобы всем людям стало лучше, и не надо никаких умных слов. Но у нас этого не получается. Потому что среди руководителей не хватает образования. В нашем обществе этого образования не хватало никогда. Техникум мелиоративный какой-то заканчивали или еще плюс марксистско-ленинский институт... Я тогда быть мог бы начальником. У меня техникум как раз есть, и марксизм-ленинизм я закончил. Но почему-то не случилось, чтобы я был большим руководителем, хотя по образованию я мог бы.

— Наше государство не такое бедное. Оно богатейшее, а наладить жизнь не может. Весь мир живет в кооперации, а мне на базаре продавец, у которого я купил пирожок, говорит: «Леонов? Выплюнь». Это что за кооператор такой, что он продает? Не успели приватизацию сделать, на Арбате молодые люди поженились на старушках... Что бы мы ни сделали — придумается контрмера, да еще такая, что в голову не прилезет. За рубежом автомат игральный наши туристы перевернули и выгребли всё, отвинтили унитаз и увезли. В гостинице актеры прожгли диван старинный, распилили и вынесли по кускам. Никак не поймешь, что может быть. Поодиночке мы все добрые, хорошие, а почему каждый тридцатый может дать тебе в ухо — трудно понять.

— Когда мне было пятнадцать лет, я в войну, весь такой из себя рабочий паренек, токаришка, попал во МХАТ. Перед самой эвакуацией театра. Я успел посмотреть Качалова. В пьесе «На дне». В роли Барона. Это было потрясение. Так играть невозможно... Я видел Книппер-Чехову. В «Трех сестрах». Это было необыкновенно здорово. При звуках военного оркестра из «Трех сестер» невозможно было не заплакать... Под эти звуки ты соединялся с ними, с этими тремя сестрами. Они тебе становились родными. Ты хотел им помочь уехать из этого города, где они существовали, в другую, прекрасную жизнь, которая для них была связана с Москвой...

— Говорят: сейчас другое время. Другой Бог. Другая нравственность. Другая Правда. Но в том-то и дело, что Другого Бога не бывает. И другой нравственности не бывает. И другой Правды. Всё затоптать нельзя. Особенно в искусстве.

— В искусство я вполз. В школе играл в драмкружке. Но просто так. Смешным был. Все хохотали. Однако, актером стать не собирался. Когда началась война, мне было четырнадцать лет. Я пошел работать на авиационный завод. И поступил в авиационный техникум. Но с третьего курса ушел... И

В фильме «Паспорт» (1990)

В фильме «Кин-дза-дза!» (1986)

вот я, поступаю в театральную студию. В комиссии сидят актриса Шереметева, Ростислав Данилович Захаров (он вел потом у нас ритмику), Андрей Александрович Гончаров и другие. Я стал читать. Тишина. Когда я то же самое читал в техникуме с эстрады, все хохотали. А тут — мертвая тишина. Шереметева, интеллигентнейшая женщина, говорит:

— А еще что-нибудь у вас есть?

Я понимаю, что дела у меня совсем плохи. Говорю:

— Да так, я тут для себя выучил один стишок.

— Стишок? Чей? — переспрашивает Шереметева.

— Блока, — отвечаю я.

— У Блока нет стишков, — говорит она строго.

А на мне пиджак, перевернутый с плеч брата. И такая нелепая у меня фигура... Я весь из себя почти такой же, как сейчас, — круглое лицо, маленький, неуклюжий, ну, только что без лысины... И война еще идет, холодно, голодно, а я, только что прибежал с завода, и мечтаю о театре, и читаю Блока, и хочу в искусство, в искусство. И вот я собрался с духом, вхожу в роль, побелел и как-то интуитивно чувствую: тут такая любовь в стихотворении, такая невозможная любовь, что я должен читать не как я, а как роковой красивый мужчина, ну, очень красивый, понимаешь, и очень-очень роковой... И я так и читаю. А они — члены экзаменационной комиссии — вначале от смеха под стол попадали, я вижу, у них слезы от смеха градом текут, но я не обращаю на то внимания, читаю дальше, только еще больше побледнел... Ну, значит, проехали:

«Я сидел в переполненной зале...»

Я бледнею, в меня вошла такая страшная сила...

«...Намеренно резко ты сказала: «И этот влюблен!»»

И дальше, дальше:

«...в ответ что-то грянули струны, иступленно запели смычки»...

И тут я вижу — отчетливо, ясно вижу: лица педагогов становятся очень удивленными и очень серьезными. Я закончил читать. И долго было тихо-тихо. И педагоги, и я выдержали паузу. Я смотрел на них. Они — на меня. А потом педагоги мне сказали: так читать Блока может только интересный и хороший человек. И приняли меня. Сразу. По одному стихотворению. Без всяких других экзаменов.

— Я не открою тайну, что профессия актера — особая профессия. Есть профессии, в которых можно быть слесарем первого, второго разряда, но актер должен быть только высшего шестого разряда, он должен быть генералом. Если он не генерал, он не состоялся. В этом отношении это очень жестокая профессия.

— В искусстве так: всё зависит от взгляда, а взгляды редко бывают

В спектакле «Поминальная молитва» (1993)

глобальные, устойчивые, и нынче всё большей частью сиюминутное царит в театре. Сейчас многие театры — эстрада. Скачут, поют, танцуют. В театральных институтах уже не озабочены воспитанием личности. А личность в искусстве — это очень много. Если театр держится на личности, тогда в театре есть и глобальные взгляды, и виды на искусство, и содержание. Если не на личности держится театр, а только на сегодня, — то только сегодня и есть в театре, а мир и себя самого в трагической обнаженности и простоте театр не видит.

— Знаешь, я очень люблю мультфильмы. Ну, понятное дело — сам был Винни-Пухом.

— Моя любимая роль в «Белорусском вокзале». Когда мне только дали в руки сценарий «Белорусского вокзала» — я сразу понял: прекрасный будет фильм. И режиссер был на фильме прекрасный — Андрей Смирнов. А потом выяснилось, что и партнеры по фильму все замечательные. Папанов, Нина Ургант, Сафонов, Глазырин. Всегда мурашки и слезы от сцены: «Здесь птицы не поют, деревья не растут...»

— Мальчишкой на каникулы в деревню я вез с собой чемоданы книг... Да-да, еду домой, к родителям, и тащу с собой, представляешь, всего Достоевского, всего Толстого, всего Горького... Тридцать пять томов одного только Толстого. И все читал подряд, до единой строчки. Не отрываясь, читал. У меня голова просто отваливалась от чтения. Я люблю читать. Всю молодость ночами просидел на кухне с книгами. Я долго был очень беден, денег на книги не хватало, но у одного моего товарища из обеспеченной семьи была хорошая библиотека, и я брал у него книги, и вот уложу сына спать, жена заснет, а я читаю, читаю на кухне, чтоб никому не мешать, почти что до утра...

— Я никому не завидую. Я восхищаюсь коллегами. Однажды Инна Чурикова так прочитала Анну Ахматову, что я захлебнулся в слезах... А Женя Урбанский, могучий такой, читал Маяковского из глубины, оттуда, из сердца, из живота, из печенки... Что-то такое сильное, мощное направлял тебе в лицо. Там машина была, которая рвала текст, понимаешь, да?

Во главе футбольной команды театра «Ленком». За ним — Александр Абдулов, Николай Караченцов, Олег Янковский

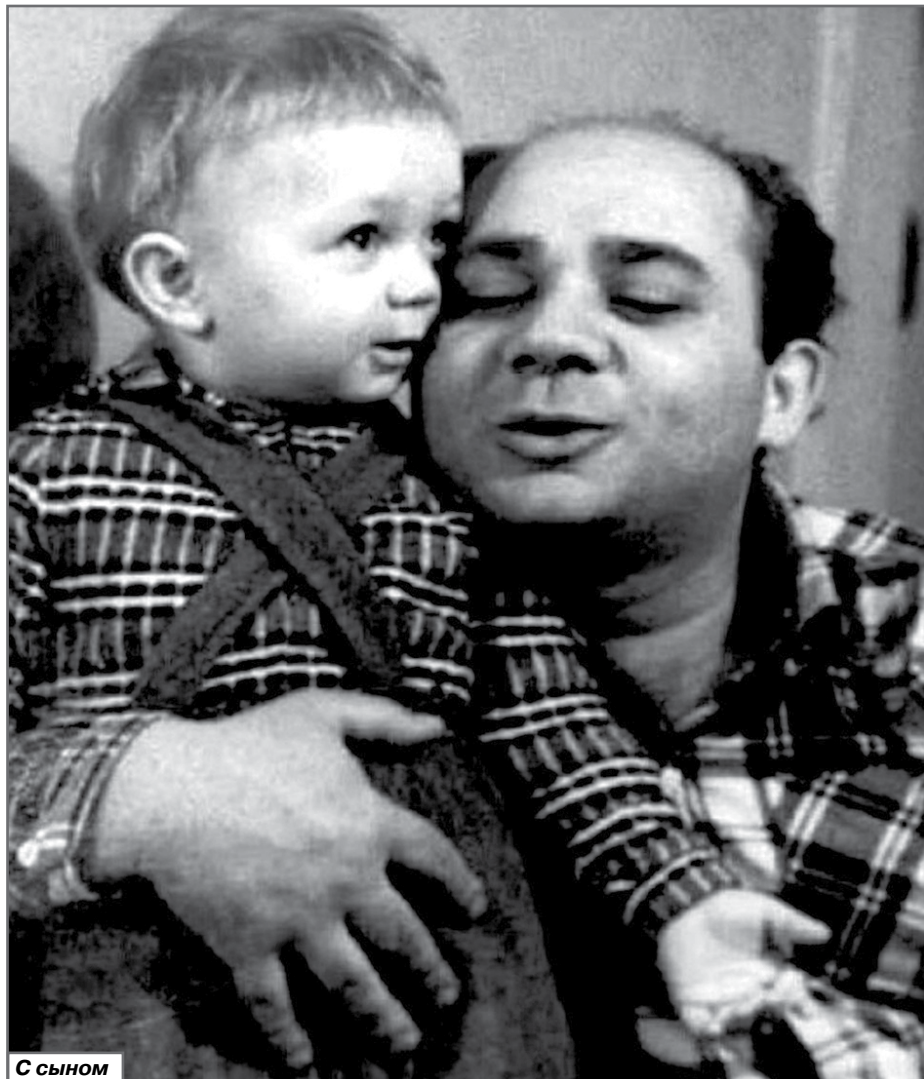
— Надо освобождаться от этого нашего привычного — ну, начальственно-насилованного... Может быть, и стоит другую жизнь организовывать, только нельзя забывать, что жизнь жизнью организовывается, понимаете, да? Мы все время боремся, завоевываем, отвоевываем... А надо жизнь жить, ходить в театры, в такие театры, где ахнуть можно.

Его сердце остановилось, но по прежнему не превзойдён его образ обаятельного, веселого, доброго, талантливого и одновременно глубокого и незабываемого персонажа, индивидуальность которому придал живой, духовный, самобытный человек и замечательный актер Евгений Павлович Леонов.

Ведь он — Король! Дорогие мои...

Ванда Леонова

С сыном